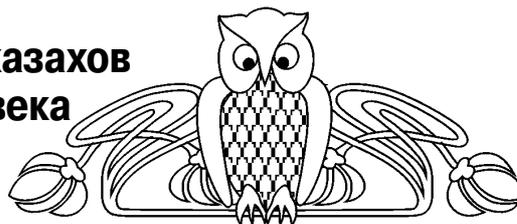

УДК 94(47).07(C5):322(C5)

К истории бытовой аккультурации казахов и татар в Российской империи XIX века

С. В. Любичанковский

Любичанковский Сергей Валентинович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, Оренбургский государственный педагогический университет, svlubich@yandex.ru

Совместное проживание в составе Российской империи вызвало к жизни процесс взаимной аккультурации татар и казахов. На основании свидетельств современников реконструированы его проявления в быту: изменение традиций, связанных с обустройством жилища, прием пищи, отношение к элементам одежды. Сделан вывод, согласно которому зафиксированные изменения являются фундаментальными и позволяют говорить на конкретном примере о постепенном формировании единого социокультурного пространства империи.

Ключевые слова: аккультурация, быт, казахи, татары, Российская империя, свидетельства современников, интеграция.

On the History of Domestic Acculturation of the Kazakhs and the Tatars in the Russian Empire of the 19th Century

S. V. Lyubichankovskiy

Sergey V. Lyubichankovskiy, <https://orcid.org/0000-0001-8349-1359>, Orenburg State Pedagogical University, 19 Sovetskaya Str., Orenburg 460014, Russia, svlubich@yandex.ru

Cohabitation of the Tatars and the Kazakhs in the Russian Empire brought to life a process of mutual acculturation. On the basis of testimonies of contemporaries, its manifestations in everyday life were reconstructed: changes in traditions related to home improvement, food intake, attitudes towards clothing items. It is concluded that the recorded changes are fundamental and allow us to speak on a concrete example of the gradual formation of a single social and cultural space of the Empire.

Keywords: acculturation, life, the Kazakhs, the Tatars, Russian Empire, testimonies of contemporaries, integration.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-3-279-282>

Опыт интеграции регионов в состав Российской империи – одна из тем, которые являются непреходяще актуальными для исторической науки. В различные периоды, в зависимости от методологического мейнстрима, она рассматривалась под разными углами зрения. В современной науке постепенно становится устойчивым отказ от жесткого варианта «колониального подхода» в силу его недостаточной глубины для адекватного понимания многих процессов, происходивших на «новых» территориях, переживающих ситуацию инкорпорации в состав России. Все более востребованным в научном сообществе становится изучение промежуточных, так называемых «гибридных» форм и статусов, лежащих между двумя крайностями – метрополией и колонией.

Представляется очевидным, что такой «колониальный подход», ставший терминологической нормой и старательно формируемым стереотипом восприятия при описании истории многих окраин Российской империи в ныне независимых государствах постсоветского пространства, нуждается в совершенно конкретном историческом осмыслении, которое позволит разобраться, какие именно элементы имперского управления и освоения данных территорий действительно являлись «колониальными» в узком смысле этого слова (процесс выкачивания из присоединенной территории ресурсов в пользу Центра без эквивалентного обмена или инвестирования в развитие этой территории), а какие – элементами политики аккультурации (культурное влияние в рамках единого государственного организма, ставящее целью создать из новоприсоединенных жителей лояльных имперских подданных с собственной этноидентичностью, с возможностью обратного влияния со стороны этих народов), элементами ситуационного управления или вообще следствиями внешнеполитических обстоятельств, слабо зависящих от российских властей.

Аккультурация национальных меньшинств, как и сохранение их этнической, а зачастую и конфессиональной идентичности – феномен глобального, мирового значения. Многообразие и многочисленность этнических групп предполагают индивидуализацию подхода к их изучению. Формирование правового механизма взаимодействия с ними требует со стороны государства учета экономической ориентированности, исторических, конфессиональных, социальных и культурно-бытовых особенностей каждой из них. Уже сам факт многовекового существования России как многонациональной, поликонфессиональной и поликультурной целостности может служить примером для большинства европейских государств, столкнувшихся с проблемами интеграции эмигрантских диаспор в исторически сложившуюся у них социокультурную среду. Национальная политика российских властей носила вариативный, часто ситуативный характер. Даже в рамках одного региона с разнородным этническим составом могли применяться различные стратегии выстраивания отношений. Опыт интеграции полиэтничного населения в общеимперский социум, представленный Российской империей, востребован и сегодня, поскольку Российская Федерация продолжает оставаться очень сложным полиэтничным и многоконфессиональным государством. Кроме

того, актуализации этноисторических исследований способствует общественный интерес к истории народов России, особенно в национальных республиках и регионах с компактным проживанием крупных этнических групп. В частности, он проявляется в стремлении выйти за рамки национально-территориального образования и представить историю народа в единстве с его диаспорами, возникшими в силу сложных исторических коллизий: войн, добровольных и принудительных переселений, прочих обстоятельств.

Цель настоящей статьи – рассмотрение реальной ситуации бытового взаимопроникновения культур (казахской и татарской) в условиях совместного проживания на территории Российской империи. Это аспект важен для изучения, поскольку является показательным сразу с нескольких точек зрения: во-первых, он позволяет изучить вектор и эффективность аккультурационных процессов в империи; во-вторых, аргументирует их несводимость к «русификации» и «христианизации».

В качестве исторических источников по данной проблематике выступают свидетельства современников (записки путешественников, авторские справочники того времени), в которых материал о взаимопроникновении культур можно вычленивать не только среди прямо обозначенных наблюдений, но и в виде структурно-скрытой информации.

Наиболее зримо процессы аккультурации, на наш взгляд, проявились в трудовой и хозяйственной повседневности как татар, так и казахов.

Татарские ремесленники, проживающие вблизи Оренбурга, в Сеитовском посаде, приспособившись к рынку, по казахской технологии вяли кошмы, вырабатывалась армячина (полотно) из верблюжьей шерсти. В середине XIX в. его изготавливали до 2,5–6,5 тыс. аршин в год. Предположительно изготовление данного полотна также было перенято у казахов, которые ткали на архаичном стане без челнока. Нити основы натягивали на вбитые в землю колья. Бердо с продетой основой крепилось к поясу работающего, другим концом – к вбитому колу. Пряжу через основу сновали руками, протыкали палкой¹.

Проживающие близ Оренбурга казахи раскупали «азиатскую обувь» – ичиги, которые изготавливались в мужском и женском вариантах. Первые были из чёрной кожи, вторые – из цветной, для украшения использовалась светло-зеленая кожа, выделывавшаяся в Персии². Кстати, приобщение через моду к исламским традициям также можно рассматривать как проявление аккультурации.

Известный русский этнограф и антрополог Алексей Николаевич Харузин, совершая по поручению императорского общества любителей естествознания поездку в казахскую Букеевскую степь (1887–1888 гг.), в своих научных зарисовках приводил факты, свидетельствовавшие о бытовой аккультурации казахской повседневности, происходившей под татарским влиянием. Так, например, в своих «Степных очерках» ученый оставил

такую картинку, описав Утэш-гали – богатого, влиятельного казаха: «Человек среднего роста, лицо его без румянца было однородного, слегка желтоватого цвета... Он принадлежал к богатым и цивилизованным киргизам. Он не носил киргизского (бухарского) халата, а надевал короткий татарский полукафтан черного цвета...»³.

Если абстрагироваться от политически ангажированного определения «татаризация», то последняя вполне объяснима с позиций аккультурации, которую А. Н. Харузин видел в следующем: «Цивилизирующийся киргиз сбрасывает свой киргизский халат и надевает кафтан татарского покроя, цивилизирующийся киргиз сбрасывает свою шапку («колпак» или «малахай») и надевает татарскую. Он забывает своё, стыдится обычаев своих, предками завещанных, и льнёт к татарину как к умственному и нравственному авторитету»⁴.

Став оренбургскими, татары-купцы осваивали казахскую степь, неся туда свою культуру и религиозные традиции, что способствовало распространению оседлости и земледелия⁵.

Зарисовка общения с одним из представителей «цивилизованных» киргизов у А. Н. Харузина несколько поясняет сказанное: «На огороде Утэш-гали оказался вполне профаном: на каждом шагу делал ему татарин, знаток огородничества, замечания и давал советы. Он показывал, что тут нужно подрезать, там – приподнять ветку, а здесь подрить углубление – всё это вывело, наконец, Утэш-гали из терпения.

– Фу, господи, – воскликнул он уже по-русски, обращаясь ко мне, – нет, видно нам, киргизам, целый век у татар учиться. Вот народ – и с татаринцом смерть, и без татарина смерть»⁶.

Однако и татарам приходилось обращаться к опыту казахов при организации скотоводства в тех природных зонах, которые диктовали свои условия. В Оренбургском, Орском, части Стерлитамакского, Верхнеуральском, Троицком, Челябинском уездах до начала XX в. в татарских поселениях практиковался способ содержания скота полукочевого типа. Когда наступал пастбищный сезон, то домохозяйства выходили со всем поголовьем скота на летние пастбища, которые могли находиться в 20–30 км от деревни либо станицы. За скотом наблюдали либо специально нанятые пастухи, либо скот присоединяли к стадам кочующих казахов либо башкир⁷. В отдельных случаях лошади казаков-татар и мещеряков «тебеневали» по казахскому обычаю⁸.

С. Г. Рыбаков, этнограф, фольклорист, член Русского географического общества и Оренбургской губернской ученой архивной комиссии, отмечал, что по мере того, как уменьшалась площадь свободных пастбищных земель, а также в силу других причин в татарских хозяйствах экстенсивный полукочевой выпас скота становился всё менее популярен. В пример приводились жители деревни Ахуново Верхнеуральского уезда Оренбургской губернии, где в конце XIX в. в отличие от прошлых времён «кочевали» только 6 семей⁹.

Ряд дореволюционных исследователей расценивали описанную традицию содержания скота, а также особую тягу к лошадям как проявление наследия кочевого быта их предков¹⁰. Но Н. А. Халиков не соглашался с проведением столь явного курса на кочевое хозяйство далеких предков татарского народа. Гораздо большую роль он отводит казахам, ногаям, калмыкам, которые активно смешивались с местным татарским населением. Отсюда Н. А. Халиков выводил многие особенности экстенсивного – отчасти кочевого скотоводства у верхне-уральских татар¹¹. Длительное совместное проживание в сходных экологических условиях в тесном соседстве, в том числе и с тюркскими народами, предопределило многочисленные инокультурные заимствования в хозяйственной культуре татар. В степных зонах были переняты отдельные черты полукочевого скотоводства, некоторые навыки кустарного ремесла казахов и башкир.

По поводу заимствований в пищевой традиции существует мнение, согласно которому, несмотря на то, что этот элемент материальной культуры довольно консервативен, крепко сохраняет свои этносоциальные черты¹², он также подвергся изменениям в силу соседства татар с казахами. Так, по описаниям этнографов XIX в. татары, которые проживали в непосредственной близости с казахами, весьма охотно употребляли кумыс¹³.

Соседство с казахами обусловило употребление татарами в пищу конины, которая в исламе проходит под категорией не запрещенной, но и не одобренной пищи¹⁴.

Если хлеб как таковой в казахской среде не приживался, то из глубины веков шла традиция употребления в пищу мучных изделий из пресного теста в виде ромбов, квадратов. В том случае, если последние жарились на растопленном масле, то это было скорее всего лакомство – так называемые баурсаки. Об этом поведал этнограф А. П. Смирнов в 1897 г., замечая, что казахи вместо хлеба предпочитали маленькие жирные мучные лепешки, поджаренные в сале. Другой исследователь – Я. Я. Кауфман – писал о том, что весьма популярна на казахской столе каша, где наполнителем была мука либо похлебка с той же самой добавкой¹⁵.

Что же касается такого блюда, как «бешбармак», то здесь также не обошлось без взаимовлияния рассматриваемых культур. Исследователи пришли к заключению, что это блюдо было традиционным в казахской повседневности. Если изначально в казахской кухне преобладали мясные блюда, как правило, на праздничный стол подавалась порционная чаша с мелко нарезанным либо расщепленным мясом, залитое шурпою (мясным бульоном)¹⁶, то по мере того, как поголовье скота сокращалось, казахов принуждали к осёдлости, в пище стала увеличиваться доля мучных продуктов. Мясной бульон заправлялся тестом, разделанным в виде прямоугольников, квадратов. В блюдо добавлялись ди-

кий лук, чеснок. По традиции столовые приборы не использовались, то есть ели руками.

Современный казахский исследователь Р. А. Бекназаров предположил, что использование термина «бешбармак» идет от татарской национальной кухни, в которой также было мясное блюдо с названием «бешбармак»¹⁷. Это подмечено и в более ранних работах советского периода. Авторы коллективной монографии «Татары Среднего Поволжья и Приуралья», изданной в 1961 г., отмечали, что бешбармак был наиболее популярен у татар, проживавших на границе кочевания казахов¹⁸.

Изменения, касавшиеся обустройства жилища казахов, происходили не только под воздействием российской (европейской) традиции. Ту же «европейскую» составляющую казахи могли почерпнуть и от татар.

Облик Сеитовского посада – наиболее раннего поселения татар в Оренбургской губернии – был запечатлен в обзорах, составленных в ходе академических экспедиций конца XVIII в. Так, например, Петр Паллас писал о Каргале следующее: «Каргалинская слобода имеет приятное положение на северном или правом берегу Сакмары. Число построенных на каменном фундаменте домов, в коих две или три светлицы, простирается до трехсот. Мечетей построено изрядно. Здешние татары произошли из казанских, их обыкновения и нравы нимало ни разнятся от оных; по большей части отправляют торги, и все люди зажиточные...»¹⁹. П. С. Паллас особо отметил привычку сеитовцев к порядку и аккуратности. Жители чрезвычайно чистоплотны, одежда их отличается изяществом и свидетельствует о хорошем вкусе. В поведении людей, особенно женщин, много достоинства. Женщины носят многочисленные и изящные украшения²⁰. Иоганн Петр Фальк в 1774 г. писал о том, что его впечатлили «трезвый образ жизни» сеитовцев, их «неравнодушие к редкой домашней утвари, коврам, серебряной и фарфоровой посуде, которой у них было немало»²¹. Но не только богатый люд представлял лицо Каргалы. Дома многих жителей были покрыты камышом и соломой.

На наш взгляд, татарский быт воспринимался казахами куда охотнее, чем русский, в силу приверженности одной вере. Ислам ведь носил регулятивный характер даже в этом бытовом сегменте. Стоит прислушаться к А. Н. Харузину, который называл посёлки, возникшие на территории Букеевской Орды – Ново-Казанку, Таловку и другие, как «рассадник культуры татарской»²².

Можно найти чрезвычайно много общего в традиции обустройства жилища у татар и казахов. Как в казахской юрте (а затем и доме), так и в татарской избе, использовались сундуки, домашний текстиль, постельные принадлежности, которые были частью декоративного убранства жилища. Татары практиковали многослойность при убранстве текстилем, она «скрывала деревянные стены дома и смягчала углы, делала убранство татарского интерьера схожим с убранством юрты»²³.

Параллели с казахской (тюркской) юртой прослеживались во всей организации внутреннего пространства дома у татар. Как в юрте, так и в доме, выделялось специальное почётное место напротив входа²⁴. И татары, и казахи до конца XIX в. придерживались традиции принимать пищу на полу, сидя со скрещенными ногами. Н. И. Воробьев отмечает, что в быту зажиточных татар – горожан – определенное время существовал обычай выезжать за город, ставя юрты и устраивая длительные пикники²⁵. Это полностью соответствовало казахской традиции проживания.

Таким образом, совместное проживание в составе Российской империи вызвало к жизни процесс взаимной аккультурации татар и казахов. Он проявился в быту (изменения традиций, связанных с обустройством жилища, приемом пищи, отношением к элементам одежды), что является показателем фундаментальности зафиксированных изменений и позволяет говорить на конкретном примере о постепенном формировании единого социокультурного пространства империи, не проводящей политику так называемой «русификации».

Примечания

- 1 См.: *Житков М.* Краткий географический очерк пограничной части Оренбургского края // Оренбургские губернские ведомости. 1851. № 16. С. 67.
- 2 См.: *Халиков Н. А.* Хозяйство татар Поволжья и Урала (середина XIX – начало XX в.). Историко-этнографический атлас татарского народа. Казань : ИЯЛИ, 1995. С. 181.
- 3 *Харузин А. Н.* Степные очерки (Киргизская Букеевская орда). Странички из записной книги. М. : Типография А. А. Левенсон, 1881. С. 15.
- 4 *Харузин А. Н.* Киргизы Букеевской орды : антрополого-этнологический очерк // Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при Императорском Московском университете. 1889. Т. 10, вып. 1. С. 42.
- 5 См.: *Ремнев А. В.* Татары в казахской степи : соратники и соперники Российской империи // Вестник Евразии. 2006. № 4 (34). С. 6.
- 6 *Харузин А. Н.* Степные очерки (Киргизская Букеевская орда). С. 12.
- 7 См.: *Халиков Н. А.* Указ. соч. С. 128.
- 8 См.: Военно-статистическое обозрение Российской империи. Военно-статистическое обозрение Оренбургской губернии. Т. XIV, ч. 2. Оренбург, 1848. С. 62.
- 9 См.: *Рыбаков С. Г.* Музыка и песни уральских мусульман с очерком их быта // Записки Императорской Академии

- Наук по историко-филологическому отделению. СПб. : Императорская Академия Наук, 1897. Т. 2. № 2. С. 31.
- 10 См.: *Сперанский А.* Казанские татары. Казань : Центральная типография, 1910. С. 16.
 - 11 См.: *Халиков Н. А.* Указ. соч. С. 132.
 - 12 См.: *Арутюнов С. А.* Основные пищевые модели и их заимствования // Традиционная пища как выражение этнического самосознания. М. : Наука, 2001. С. 10–18.
 - 13 См.: *Махмутов З. А., Файзуллина Г. Ш.* Современная национальная кухня татар Казахстана : функции, специфика и трансформация // Гуманитарные науки в Сибири. 2014. № 2. С. 55.
 - 14 См.: *Смолянский Б. Л., Григоров Ю. Г.* Религия и питание. Киев : Наукова думка, 1995. С. 82.
 - 15 *Бекназаров Р. А.* Хлеб в традиционном казахском обществе (середина XIX – начало XX вв.) : историко-этнологические исследования на материалах Западного Казахстана // Лавровский сборник : материалы XXXIV и XXXV Среднеазиатско-Кавказских чтений 2010–2011 : этнология, история, археология, культурология. СПб. : МАЭ РАН, 2011. С. 290.
 - 16 См.: *Тевкелев А. И.* Журналы и судебные записки дипломата А. И. Тевкелева по истории и этнографии Казахстана [1731–1733] // История Казахстана в русских источниках XVI – XX вв. : в 10 т. Т. 3. Алма-Ата : Дайк Пресс, 2005. С. 107.
 - 17 *Бекназаров Р. А.* Указ. соч. С. 291.
 - 18 См.: Татары Среднего Поволжья и Приуралья / под ред. Н. Н. Воробьева, Г. М. Хисамутдинова. М. : Наука, 1961. С. 16.
 - 19 *Паллас П.* Путешествия по разным провинциям Российской империи. Ч. 1. М. : Книга по требованию, 2011. С. 113.
 - 20 Там же.
 - 21 Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Императорскою Академией Наук, по предложению ее президента. Т. 6 : Записки Путешествия Академика Фалька. СПб. : Императорская Академия Наук, 1824. С. 224.
 - 22 *Харузин А. Н.* Киргизы Букеевской орды : антрополого-этнологический очерк... С. 78.
 - 23 *Сулейманова Д.* Традиционный татарский интерьер : этническое своеобразие и символы. URL: http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymous/main/?path=mg :/numbers/2008_1/09/09_08/ (дата обращения : 29.01.2019).
 - 24 См.: *Толубаев А.* Юрта в представлениях, верованиях и обрядах казахов // Кочевое жилище народов Средней Азии и Казахстана. М. : Наука, 2000. С. 167.
 - 25 См.: *Воробьев Н. И.* Казанские татары. Казань : Татгосиздат, 1953. С. 193.

Образец для цитирования:

Любичанковский С. В. К истории бытовой аккультурации казахов и татар в Российской империи XIX века // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 279–282. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-3-279-282>

Cite this article as:

Lyubichankovskiy S. V. On the History of Domestic Acculturation of the Kazakhs and the Tatars in the Russian Empire of the 19th Century. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2019, vol. 19, iss. 3, pp. 279–282 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-3-279-282>